

• СОДЕРЖАНИЕ •

Татьяна Гармаш-Роффе
ФИОЛЕТОВЫЙ ФЕВРАЛЬ

7

Галина Романова
ВТОРОЙ ПОДАРОК СУДЬБЫ

17

Ольга Тарасевич
ЕСЛИ РАСТАЕТ ЛЮБОВЬ

81

Ирина Хрусталева
ПАЛЬМА С МАНДАРИНАМИ

129

Елена Логунова
ТОТ САМЫЙ МИГ

187

Екатерина Барсова
НОЧЬ СЮРПРИЗОВ

233

Татьяна Устинова
ВСЕ НИЧЕГО

281

ТАТЬЯНА
ГАРМАШ-РОФФЕ

• ФИОЛЕТОВЫЙ ФЕВРАЛЬ •

Памяти моего сына

Славик смотрел в окно. День был молоч-
но-сер и лилов, и густые, влажные хлопья
снега занавешивали двор, насыщая тени
этим самым лиловым... Или сиреневым?
Славик еще не очень хорошо разбирался в
оттенках цветов. Мама говорила, что «*lilas*» —
это сирень по-французски, но тогда выходило,
что *сиреневый* — от слова «сирень», и *лиловый*
от него же... Так один это цвет или разный?!
А фиолетовый, говорила мама, — это от
слова «фиалка», и это темнее и гуще,
почти как чернила... Славик никогда не
видел ни фиалок, ни чернил, но ему
казалось, что само слово «февраль»
фиолетовое.

В пелене мокрого, вязкого снегопада
копошились дети, а вокруг них прохаживались
бабушки и папы. Славику хотелось к этим
детям, туда, во двор, — лепить из мокрого
снега комки, бросаться ими и бегать, то
догоняя, то уворачи-

ваясь, пока не станет жарко под шарфом, и он сорвет его с себя, и мокрые варежки сунет в карман, и начнет лепить снежки горячими ладошками, и мама будет кричать: «Славик, надень варежки!»

Но мама была занята: она что-то готовила на кухне, и оттуда доносились запахи, которые он терпеть не мог: пахло жареным луком и рыбой. Он рыбу с жареным луком есть любил, но почему-то совсем не любил, когда пахло с кухни... Ему придется ждать, пока мама закончит готовку и сможет выйти с ним во двор: ему не разрешалось гулять одному в его неполных пять лет. А бабушка... — она жила в другом городе и не могла пойти со Славиком. А папа... Когда Славик спросил, где живет папа, мама сказала: «Он ушел». Славик немного подумал и задал вопрос: «А почему он не вернулся?»

— Он заблудился, — помолчав, ответила мама.

Славику представилось тогда, что папа вышел вот в такой день, как сегодня, когда часто падали крупные хлопья и все сделалось молочно-серым и лиловым, — и папа шел-шел сквозь февральский снегопад и заблудился. Потому что февраль — слово фиолетовое, как цветы фиалки и чернила, и в нем легко заблудиться...

10 Поначалу Славик ждал, что папа найдет доро-

гу домой, но это было в другом феврале, он не помнил, в прошлом или позапрошлом... Теперь он больше не ждал. Ему хорошо было и с мамой. Только вот приходилось потерпеть, пока она дожарит рыбу.

Оторвавшись от окна, Славик обвел глазами комнату. На полу лежал разобранный конструктор — любимое его занятие, — но сейчас отчего-то не хотелось в него играть. Он вяло повозил по полу несколько машинок, подвыл пожарной, которая резво въехала под шкаф — да так там и осталась. В другое время Славик бы развернулся (развернул машинку) и, весело завывая дальше, покатил бы ее к двери комнаты, затем по коридору, затем на кухню, пока не уперся бы в мамины пятки. Но сегодня почему-то не хотелось. Сегодня ему было грустно. Он сам не знал отчего. Просто грустно, вот и все. Лиловое какое-то все. Или сиреневое. Или даже фиолетовое.

Он осмотрелся в поисках чего-нибудь нового. И вдруг увидел на диване несколько альбомов. Он вспомнил: вчера мама разбирала фотографии. Вчера Славика данное действие ничуть не заинтересовало, но сейчас, охваченный странной и тревожной грустью, он подошел к дивану и открыл тяжелую обложку аль-

бома. Перелистнул одну страницу, другую... И вдруг замер. На него с одной из фотографий смотрела девочка. Наверное, ей было пять лет, как и Славику. В венке из полевых цветов и колосьев на светлой головке, она смотрела прямо на Славика, протягивая ему на раскрытой ладони несколько ягод земляники, и ее широко распахнутые глаза были такими веселыми, такими дружескими! А рядом с ее головой было солнце, и на этой фотографии все было желтое и белое, прозрачное, чистое!

Он сразу представил себя там, на этой полянке, рядом с девочкой, — и уже видел, как они с ней начали вместе собирать землянику, и как стали играть в прятки, и как смеялись, и как поспорили, кто больше земляники соберет, и как ягоды смялись в его ладошке, когда он принес полную горсть... И как потом они решили взять кружку, чтобы не мять землянику, и как набрали ее доверху, и принесли ее маме... И как мама обрадовалась, и как они все втроем стали есть ягоду по ягодке из кружки: он, мама и эта девочка в венке... Такая хорошая и такая родная.

— Мам, — Славик притащил тяжелый альбом на кухню, — мам, а кто эта девочка? Я хочу с ней дружить!

— Ты с ней уже дружишь, — улыбнулась мама как-то особенно.

– Нет! Я ее не знаю!

– Знаешь. Это, Славик, я.

– Ты-ы-ы? – не поверил он.

– Я. Когда была маленькой девочкой.

– А куда делась эта девочка теперь?

– Ее теперь нет, потому что...

– Она умерла?! – перебил маму Славик, преисполнившись отчаяния. Он слышал, что есть такая ужасная штука, смерть, и она иногда вырывает людей из жизни.

– Да нет же, я просто выросла, стала взрослой!

– Но девочка эта – где она теперь?

– Славка, я же тебе говорю: она выросла. Я – выросла. А тогда была маленькой. Такой, как ты сейчас!

– Ты сейчас моя мама! А девочка эта – где она?

Мама оторвалась от плиты, прикрутив газ. Присела на корточки, заглянула сыну в глаза.

– Понимаешь, Славик, мы все растем... меняемся... Ты тоже вырастешь... И больше не будет этого маленького мальчика, какой ты есть сейчас...

– Я умру?! – изумился Славик.

– Да нет же, – растерялась его мама, не зная, как объяснить сыну феномен времени. – Ты 13

не умрешь, конечно, нет! Ты просто станешь другим!

— Но тот, который я сейчас, — куда он денется?

— Ты вырастешь, — досадливо повторила мама. — Станешь однажды большим дядей... Иди поиграй, я скоро закончу, и мы пойдем гулять.

— Но я не хочу дядей быть!

Мама ему не ответила — не нашла слов — и отвернулась к плите. Не тут-то было, Славик потянул ее за фартук.

— Мам! А куда денусь я?! — он ткнул себя пальчиком в грудь. — Я не хочу, чтобы меня больше не было!!!

Вот ведь беда: сын уродился философом и норовил познать тайны бытия — тайны, которые пока никто еще не разгадал! При этом он требовал ответа от матери, а она не могла его дать.

— Малыш, время не спрашивает нашего согласия...

— Как же это так, Время? — спросил Славик, и глаза его наполнились слезами.

* * *

...Много, много лет спустя Станислав Игоревич, известный и талантливый художник, покидал кладбище. На могильном камне с овальной

фотографии сияла счастьем та маленькая девочка, которой была когда-то его мама. Под ней была выбита надпись: МОЕМУ ЛУЧШЕМУ ДРУГУ – МОЕЙ МАМЕ: МЫ С ТОБОЙ КОГДА-НИБУДЬ ВСТРЕТИМСЯ И БУДЕМ ВМЕСТЕ СОБИРАТЬ ЗЕМЛЯНИКУ.

Станислав Игоревич утер глаза, садясь в машину. Его секретарь промолвил:

– Нестандартная у вас надпись на камне, Станислав Игоревич...

Комплимент был в этих словах или скрытая критика? Слава не знал и знать не хотел.

– У меня и мама была нестандартная, – сдержанно ответил он.

Переждав, пока разойдутся гости и родственники, Станислав Игоревич снял с себя черный костюм, стянул галстук, влез в привычные джинсы и достал с нижней полки книжного шкафа альбомы с фотографиями. Он разложил снимки матери в ряд и под каждым из них поместил свои, соответствующие по возрасту. Некоторое время он разглядывал фотографии, затем вывел пальцем из рядов две: где маме было пять лет и ему столько же. Положил их рядом.

Они были похожи. Та девочка в венке из полевых цветов, с ясным и дружеским взглядом, протягивала на ладошке землянику тому, кто